

продолжает быть ориентиром для жизни на современном этапе.

Список использованной литературы

1. Рот, Ф. Зачем писать? Авторская коллекция избранных эссе и бесед / Ф. Рот; пер. с англ. Олега Алякринского. – М.: ИД Книжники, 2021. – 552 с.
2. Рот, Ф. Операция «Шейлок». Признание: Роман / Ф. Рот; Пер. с англ. С. Силаковой. – М. : Книжники, 2018. – 685 [3] с.
3. Сінькова, Л. Д. Беларуская «звышлітаратура» : літаратуразнаўчыя і літаратурна-крытычныя артыкулы / Людміла Сінькова. — Мінск : Кнігазбор, 2019. — 224 с.
4. Карасик, О. Б. Еврейская литература США на рубеже XX–XXI веков: в поисках идентичности: монография / О. Б. Карасик. – Казань: РИЦ «Школа», 2015. – 308 с.
5. Roth, Ph. Operation Shylock: a Confession [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.you-books.com/book/P-Roth/Operation-Shylock>. – Date of access: 12.10.2022.
6. Danielle Rabbino, A. Adjudicating Identity in Philip Roth's Operation Shylock / A. Danielle Rabbino // Shofar : An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies. – 1997. – Vol. 16, №. 2. P. 70-88.
7. Адамович, А., Гранин, Д. Блокадная книга. – М.: Советский писатель, 1983. – 432 с.

О. А. Овчинникова,

магистрант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ Д. КЕЛЬМАНА «ТИЛЬ»

Аннотация. Статья посвящена соотношению факта и вымысла в романе Д. Кельмана «Тиль». В романе о Тридцатилетней войне реальные исторические факты переплетаются с вымышленными, что позволяет воссоздать картину эпохи и достигнуть эффекта правдоподобия, чтобы незаметно вплести в реальную картину элементы вымысла. Героями романа становятся известные исторические лица, ученые, короли, поэты, а вместе с ними и полностью вымышленные персонажи. Взаимодействие исторического факта с художественным вымыслом, а также особенности организации нарратива позволяют Кельману размыть границы между реальностью и вымыслом, а также поднять проблему создания художественного текста и обозначить роль интерпретации.

Ключевые слова: барочная литература; художественный вымысел; исторический факт; нарратив.

O. A. Ovchinnikova

Master Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

HISTORICAL FACT AND FICTION IN THE NOVEL BY D. KEHLMANN «TYLL»

Abstract. The article is devoted to the correlation of fact and fiction in D. Kehlmann's novel «Tyll». In the novel about the Thirty Years' War, real historical facts are intertwined with fictional ones, which allows the author to recreate the picture of the era and achieve the effect of verisimilitude in order to imperceptibly weave elements of fiction into the real picture. The characters of the novel are famous historical figures, scientists, kings and poets, along with completely fictional characters. The interaction of historical fact with fiction, as well as the peculiarities of narrative organization, allow D. Kehlmann to blur the boundaries between reality and fiction, as well as raise the problem of creating a literary text and identify the role of interpretation.

Key words: *baroque literature; fiction; historical fact; narrative.*

Даниэль Кельман (*Daniel Kehlmann, 1975*) – один из самых важных авторов современной немецкоязычной литературы. Романы и новеллы писателя получили неоднозначные оценки как читателей, так и критиков. Это обусловлено в том числе особой ворческой манерой писателя. Главное, что привлекает внимание Кельмана, – это отношения между реальностью и вымыслом: *«Я всегда находил литературу наиболее увлекательной, когда она нарушает правила не синтаксиса, а реальности»* [4, S. 15]. В связи с этим писатель разрабатывает свой собственный творческий метод, называя его «ломаным реализмом» (нем. «gebrochener Realismus») и обозначая следующим образом: *«... проза, которая притворяется реалистичной, но незаметно вносит разломы в, казалось бы, достоверно переданную реальность»* [3]. Чтобы создать «разломы реальности» Кельман прибегает к сплетению реальных исторических фактов с вымышленными.

Одним из произведений, в которых поднимается вопрос о границах реальности и вымысла, является роман Д. Кельмана «Тиль» (*«Tyll», 2017*). Он посвящен Тридцатилетней войне – кровавому времени в истории Западной Европы. В основе романа лежат реальные события военных лет, а в тексте произведения встречается множество исторических лиц, однако реальные исторические факты в романе тесно переплетаются с вымышленным.

Прежде всего обратимся к герою, чье имя послужило названием произведения. Известно, что Тиль Уленшпигель, который впервые появляется на страницах народной книги, не является полностью вымышленным героем. Подобно историческому Фаусту, вокруг которого сложилось множество легенд, а затем созданный в них образ был использован в народной книге и в ряде других произведений, некто по имени Тиль Уленшпигель был выходцем из крестьянской семьи и жил в Германии в XIV веке. Люди воспринимали его как озорного весельчака и пройдоху, забавлявшего народ своими дерзкими проделками и шутками. Со временем вокруг Уленшпигеля сложилось множество юмористических рассказов, которые стали популярными в народе. Уленшпигель стал собирательным образом, а истории о нем вошли в сборник шванков.

Д. Кельман переносит Уленшпигеля из XIV в XVII век, в центр военных событий. Некоторые черты, присущие, согласно легендам, реально существовавшему Тиллю, а также персонажу народной книги, характерны и для героя Кельмана. Разумеется, образ Уленшпигеля в романе не может соответствовать исторической реальности, персонаж в романе Кельмана сложный и противоречивый и является отражением кризисной эпохи.

Известно, что исторический Тиль Уленшпигель умер от чумы в Мельне. В романе смерть Тили не упоминается, несмотря на то, что у героя было множество возможностей умереть, в том числе от чумы. Однако Тиль, созданный Кельманом, не может умереть, ведь жажда жизни, проснувшаяся в маленьком мальчике, которого бросили в реку, где тот чуть не погиб, – одна из основных характеристик персонажа. Сталкиваясь каждый раз лицом к лицу со смертью, Тиль остается в живых. Последней своей сказанной в романе фразой Уленшпигель, выживший на войне, формулирует жизненный принцип, являющийся основным свойством персонажа: *«Aber weißt du, was besser ist? Noch besser als friedlich sterben? [...] Nicht sterben [...]. Das ist viel besser»* [5, S. 473] (*«А ведаеш, што лепш? Яшчэ лепш, чым ціхадзірна памёрці? [...] Не паміраць [...]. Гэта нашмат лепш»* [1, с. 330]).

Однако главное историческое, что содержит в себе роман Кельмана, – это, безусловно, события Тридцатилетней войны. Героями романа становятся король Фридрих V и его жена Елизавета Стюарт. В романе

фигурируют упоминания прозвищ королей (Winterkönig, Winterkönigin), которые закрепились за ними в связи с тем, что те не смогли продержаться на королевском троне дольше одной зимы. Как и реально существовавший Фридрих V, «зимний король» в романе умирает от чумы.

Среди исторических фигур в романе Кельмана особое внимание уделено Афанасию Кирхеру. Это немецкий ученый, который занимался исследованиями в самых разных областях знаний. Отношение к его научным исследованиям оцениваются по-разному. При жизни ученый пользовался большой славой, однако уже на склоне лет его авторитет стал меркнуть, а упоминания трудов Кирхера стали фигурировать в контексте анализа научных заблуждений.

Кроме того, Кирхер был монахом ордена иезуитов. Интересно, что, будучи иезуитом, он «допускал возможность существования божественной истины во всех религиях прошлого, а также у иноверцев своего времени, до которых еще не дошло христианское послание» [2, с 76.]. В этом отношении Кельман отходит от исторической действительности, и в романе Кирхер вместе с Тезимондом становятся воплощением фанатизма, суеверий и религиозной нетерпимости. Именно по их обвинению в колдовстве отец Тиля приговаривается к смертной казни. Охота на ведьм, которая долго велась в Европе, во время Тридцатилетней войны достигла особенно широких масштабов. Однако нет исторических свидетельств, указывающих, что Кирхер или Тезимонд действительно участвовали в преследовании ведьм.

Как и реально существовавшего ученого Афанасия Кирхера, персонажа романа увлекает расшифровка иероглифов. Известно, что, занимаясь трактовкой египетских иероглифов, Кирхер использовал свой собственный метод расшифровки, который не имел никакого отношения к правильному способу. В романе Кельмана Кирхер изображается как лжеученый. Встретившись с Тилем по истечению нескольких лет после смерти его отца, Кирхер использует магический квадрат, которым пользовался и отец Тиля, обвиненный в колдовстве самим Кирхером, и признается в ложности своих учений.

Известно, что Афанасий Кирхер занимался исследованием возбудителя чумы и верно определил, чем вызвана болезнь. В романе Кельмана ученый ищет дракона, чтобы использовать его кровь для изготовления лекарства от чумы. Он убежден, что на Севере есть еще один дракон, которого, разумеется, никто не видел: *«Ein Drache, den man gesichtet hat, wäre ein Drache, der über die wichtigste Dracheneigenschaft nicht verfügt – jene nämlich, sich unauffindbar zu machen»* [5, S. 352] (*«Цмок, яког б убачылі, стаў бы цмокам, які не валодае найважнейшай цмачынай уласцівасцю – а менавіта ўменнем рабіцца нябачным. Акурат з гэтай прычыны не варта асабліва давяраць усім аповедам тых людзей, якія нібыта бачылі цмока, бо цмок, які дазваляе сябе ўбачыць, апрыёры быў бы прызнаны неспраўдным цмокам»* [1, с. 245]). Рассуждения ученого не внушают особого доверия, и Кирхер так и не находит дракона. Однако в конце главы «Вялікае мастацтва святла і ценю», в которой рассказ об ученом завершается с упоминанием его смерти, последний дракон Севера умирает на Гольштейнской равнине, там, где он и должен был обитать по предположениям Кирхера. В этом моменте сатира немецкого писателя на лжеученого достигает вершины.

Особое место в романе занимают магические формулы, которые используют персонажи произведения и в силу которых они верят. Когда родители Тиля находят его в лесу, где он был вынужден остаться один ночью, мальчик заявляет, что в него вселился черт, а его отец чертит на земле пентаграмму. Когда все заканчивается и Тиль засыпает, показывается призрак умершего при рождении ребенка Агнеты: *«...das gestorbene Kind kehrt wieder: nur ein Flackern in der Dunkelheit, dazu ein leises Wimmern, mehr ein Luftzug als eine Stimme. Eine Zeitlang ist*

es hinten im Verschlag, wo Claus und Agneta liegen, aber als es nicht ans Bett der Eltern kann, weil die Pentagramme auf den Pfosten es abhalten, taucht es in der Stube auf, wo der Junge und die Knechte sich um den warmen Herd gebettet haben» [5, S. 83 – 84] («...вяртаецца памерлае дзіця: толькі мільгаценне ў цемры і ціхі стогн – хутчэй навеў ветру, чым голас. Спачатку яно ззаду ў каморы, дзе ляжаць Клаус з Агнэтай, але, не здолеўшы трапіць у ложка бацькоў, не пераадолеўшы пентаграмму на вушаку, яно пералятае ў пакой, дзе ля цёплай печы спяць хлопчык і парабкі» [1, с. 58]). Пентаграмма, которую начертил Клаус Уленшпигель, действительно работает, как и работает магический палиндром «SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS», использованный Кирхером при встрече с Тилем. Напуганный тем, что Уленшпигель захочет отомстить ему за казнь отца, Кирхер шепчет фразу, после которой признается в том, что в его книгах много лжи. Но Тиль уже не слышит этого: «Eine sonderbare Schwere war über ihn gekommen. Er wischte sich über die Stirn, kalter Schweiß lief ihm übers Gesicht» [5, S. 384] («Нейкі незвычайны цяжар наваліўся на яго. Ён выцер лоб, па твары струменеў халодны пот» [1, с. 269]).

«SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS» – это самый известный магический палиндром, об использовании которого есть упоминания в истории. Его применяли для разных целей, например, эту надпись часто помещали в амулеты. Кельман обращается к реальному историческому факту, добавляя при этом интересный момент: для того, чтобы магическая формула подействовала, человек должен был не только представить этот символ и произнести фразу, но и открыть такую правду, в которой никогда никому не признавался. Поэтому Кирхер и открывает тайну о лживости своих учений.

Наряду с реальными историческими лицами в романе фигурирует некий граф Мартин фон Волькенштайн. В главе про графа Кельман даже создает его биографию, а точнее, сам граф пишет свою автобиографию, так что может показаться, будто он, подобно другим героям романа, – реально существовавшая историческая фигура. Однако этот персонаж является чистым авторским вымыслом. Примечателен момент, где граф пытается описать последнюю битву войны. Для этого Волькенштайн обращается к роману «Симплиссимус» известного немецкого писателя Г.Я.К. Гриммельсгаузена, хотя описание из этой книги не подходило, поскольку там описана другая битва. Однако в итоге получается, что описания войны взяты вообще не оттуда: «Was der dicke Graf nicht wissen konnte, war aber, dass Grimmelshausen die Schlacht von Wittstock zwar selbst erlebt, aber ebenfalls nicht hatte beschreiben können und stattdessen die Sätze eines von Martin Opitz übersetzten englischen Romans gestohlen hatte, dessen Autor nie im Leben bei einer Schlacht dabei gewesen war» [5, S. 224] («Вось чаго тоўсты граф не мог ведаць, дык гэта таго, што Грымельсгаўзэн, пержыўшы бітву пад Вітштокам, роўна гэтак жа не змог яе апісаць і замест таго скраў сказы з перакладзенага Марцінам Опіцам англійскага рамана, аўтар якога ніколі ў жыцці на ўласныя вочы ніводнай баталіі не бачыў» [1, с. 156]). И этот текст, описывающий события не той битвы, о которой хотел рассказать граф, переживший несколько переписываний, созданный человеком, который никогда не сталкивался с реальными картинами войны, не вызывает сомнений в его подлинности. Д. Кельман размывает границы между реальностью и вымыслом, так что получается, что полностью вымышленный текст, не имеющий никакого отношения к тому, что происходило на войне на самом деле, как будто оказывается наиболее реальным и достоверным. Кроме того, этот эпизод является одним из моментов, затрагивающих проблему создания художественного текста, в связи с чем необходимо обратиться к особенностям организации нарратива в произведении.

Происходящие события подаются с точки зрения разных персонажей – Тили, Неле, Фридриха, Лиз, Кирхера. Некоторые истории в романе освещаются несколько раз разными персонажами, в итоге одни и те же

события представлены в нескольких вариантах. После казни отца Тиль и его спутница Неле убегают и присоединяются к бродячему артисту Пирмину, с которым они проводят часть своей жизни. Позже они покидают жестокого наставника, и в главе «Голад» упоминается его смерть. Когда Лиз спрашивает Неле о том, как они убежали от Пирмина, Неле отвечает, что его убил Тиль. Уленшпигель же рассказывает, что их наставник умер от блюда, которое приготовила Неле. Этот эпизод размывает границы между реальным и вымышленным, а также между автором и персонажем. Подобные моменты, как и глава про графа Волькенштайна, затрагивают вопрос невозможности достоверного истолкования истории и подчеркивают значимость интерпретации.

Картина эпохи в романе воссоздается не только за счет военных событий и исторических лиц, но и благодаря обращению к барочной литературе. Упомянутая ранее глава про вымышленного графа Волькенштайна сплетена как барочный роман. В ней сочетается высокое и низкое, что проявляется на уровне содержания и используемой лексики. В образе толстого графа, который в своей биографии заменяет описания реальных событий рассказами о мужской дружбе, сочетается трагическое и комическое. Натуралистические описания сочетаются с символизмом: «[...] sollte er ein Lebtage nicht vergessen, welch ein Schrecken ihn bis ins Innerste durchfuhr, als der Kopf des Vogels platzte. Etwas daran war fast unbegreiflich – wie schnell das ging, wie sich von einem Moment zum nächsten ein fester kleiner Kopf ein Aufspritzen in nichts verwandelte [...]» [5, S. 189] («[...] ён да канца жыцця не мог забыцца, які жах працяў яго да самых глыбіняў, калі ў птушкі разарвала галаву. Неспасціжэна розуму было, як яно так хутка здарылася: вось толькі што маленькая галава трывала сядзела на месцы – і раптам ператварылася ў пырскі, у нішто [...]» [1, с. 131 – 132]).

Помимо Г.Я.К. Гриммельсгаузена, в произведении упоминается Дж. Донн, посвятивший королеве Елизавете стихотворение, а также немецкий поэт Пауль Флеминг и его друг Адам Олеарий. Встретившись с Кирхером, они ведут беседу, в ходе которой выясняется, что Флеминг пишет стихи, но не на французском или латыни, а на немецком, что вызывает у Кирхера недоумение. Это неудивительно, ведь в XVII веке немецкий язык все еще считался языком, на котором невозможно создавать произведения литературы. Все это соответствует исторической реальности, как и рассуждения королевы Елизаветы о немецком театре, который в ту эпоху действительно переживал не лучшие времена: на сценах разыгрывались юмористические спектакли с участием народных шутов, таких как Ганс Вурст, а выступавшие на сцене профессиональные труппы состояли из английских актеров. Среди размышлений королевы о театре встречается и фраза, ярко отражающая реальное отношение к немецкому языку в Германии в XVII веке: «Wahrscheinlich lag es an der klobigen Sprache; das war keine Sprache fürs Theater, ein Gebräu von Stöhnlauten und harten Grunzern war das, es war eine Sprache, die klang, als kämpfte einer gegen das Würgen, als hätte ein Rind einen Hustenanfall, als käme jemandem sein Bier aus der Nase Sie dachte oft ans Hoftheater in Whitehall zurück» [5, S. 230] («Магчыма, гэта мела некую сувязь з няўкладнай мовай, зусім не прызначанай для сцэн, сёбавам са стогнаў і грубага рохкання, мовай, якая гучала так, быццам хтосьці змагаецца з ванітамі, быццам у быка прыпадак кашлю, быццам у кагосьці піва носам пайшло» [1, с. 160]).

Сам же Тиль, как справедливо отмечает Б. Севим, представляет собой барочный образ, что проявляется в постоянном балансировании на грани жизни и смерти, противоречивом отношении к жизни, которое меняется от серьезного до восприятия жизни как игры, причем живя лишь сегодняшним днем, он все же помнит о смерти [6].

Создавая роман о Тридцатилетней войне, Даниэль Кельман обращается к реальным историческим фактам, переплетая их с художественным вымыслом. В произведении фигурируют исторические лица, короли,

ученые, поэты, что помогает воссоздать картину эпохи и достигнуть эффекта правдоподобия, и незаметно вплести в реальную картину элементы вымысла. Наряду с известными историческими лицами, действуют полностью вымышленные персонажи, вписанные в роман таким образом, что кажется, будто и они в действительности существовали. Сплетение исторического факта с художественным вымыслом, особенности организации нарратива позволяют Кельману размыть границы между реальностью и вымыслом, так что роман соответствует художественному методу писателя, а также поднять проблему создания художественного текста и обозначить роль интерпретации.

Список использованной литературы

1. Кельман, Д. Тыль / Д. Кельман; пер. з ням. В. Гронскай. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2020. – 332 с.
2. Стрельцов, А.А. Человек, знавший всё: Афанасий Кирхер / А.А. Стрельцов // Исторический журнал. – № 4. – 2013. – С. 76 – 91.
3. Holtforth, R.G. Das 18. Jahrhundert war eine tolle Zeit. Interview mit Daniel Kehlmann. [Internet]. – Zugriffsmodus : www.amazon.de/gp/feature.html?ie=UTF8&docId=594143 – Datum des Zugangs : 10.02.2022.
4. Kehlmann, D. Diese sehr ernsten Scherze: Poetikvorlesungen. 1. Aufl. Wallstein, Göttingen, 2007.
5. Kehlmann, D. Tyll / D. Kehlmann. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 2017. – 475 S.
6. Sevim, B. A. Fiktion und Realität in Daniel Kehlmanns neuestem Roman „Tyll“ / B. A. Sevim [Internet]. Zugriffsmodus : <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1209884>. – Datum des Zugangs : 10.12.2021.

А. Ю. Перевезенцева,

канд. филол. наук, доцент (НИУ Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия)

МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ И ИМПЕРИЕЙ: ДРЕВНИЙ РИМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ВЕКА В РОМАНАХ РОБЕРТА ГРЕЙВЗА

Аннотация. В романах «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий» английский писатель Р. Грейвз обращается к истории Древнего Рима, начиная со времени правления Октавиана Августа и заканчивая смертью императора Клавдия. Один из ключевых мотивов дилогии – борьба между республикой и империей как формами государственного правления. Р. Грейвз изображает противоречия, присущие эпохе, и показывает, почему римлянам не удалось возродить республику. Не только объективные социально-политические процессы, но и субъективные причины, по мысли автора, влияют на ход истории.

Ключевые слова: исторический роман; философия истории; история Древнего Рима; Роберт Грейвз; император Клавдий.

A. Y. Perevezentseva,

PhD, Ass.Professor (NRU Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia)

BETWEEN THE REPUBLIC AND THE EMPIRE: ANCIENT ROME OF THE FIRST HALF OF THE 1ST CENTURY IN THE ROBERT GRAVES' NOVELS